

Е. А. Игушев. Стилистика морфологических категорий коми языка: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Сыктывкар, 1990. 310 с.

Синтаксис и стилистика являются одним из слабоизученных вопросов не только в коми, и в других финно-угорских языках. Достаточно, например, сказать, что ни один из родственных финно-угорских языков Поволжья и Прикамья не располагает какими-либо исследованиями, посвященными рассмотрению вопросов стилистики речи, не говоря уже об обобщающих учебных пособиях по данной проблематике. Отсутствием теоретических работ по стилистике и обусловлен выбор темы данной диссертации. В ней не рассматриваются функциональные стили современного коми языка и не исследуется стиль художественной литературы. Тема диссертации значительно шире – изучение проблем грамматической стилистики – выявление выразительных возможностей морфологических категорий коми языка.

Это тема не только актуальна, она крайне необходима в современных условиях, когда национальные языки не только малых народов России, но и тех, кто насчитывает сотни тысяч носителей, отнесены на своей исторической родине в разряд необязательных, на них не только не ведётся документация в государственных учреждениях, но и не ведётся обучение подрастающего поколения ни в одном учебном заведении, включая детские сады.

В таких национальных языках, как коми, вследствие бесконтрольного притока русизмов и транспозиции грамматических конструкций русского языка на коми разговорную речь, а также на язык средств массовой информации, национальный язык теря-

ет свою выразительность, что, несомненно, ведёт к утрате авторитета литературной формы языка.

В диссертации Е. А. Игушева поставлены конкретные цели, и автор их последовательно разрешает. На большом фактическом материале, собранном из произведений оригинальной художественной литературы, а также из фольклорных и диалектологических источников, диссертант прослеживает эмоционально-экспрессивный потенциал морфологических категорий коми языка, с помощью которого успешно выражается отношение говорящего к высказываемой мысли.

Композиция диссертации соответствует поставленным задачам. Она логична и в общем целесообразна. Основная проблематика рассматривается в 5 отдельных главах. Теоретическая часть излагается во введении, где даётся понятие о стилистике, описываются функциональные стили коми языка. Однако эту часть диссертации автору можно было немного расширить, поскольку данная работа является первой по счету теоретической работой по стилистике коми языка. Говоря об отсутствии в современном коми языке официально-деловой, учебно-научной терминологии, автор ограничивается лишь констатацией того факта, что созданная в 20–30 годы терминология деловой речи в последние годы полностью русифицирована. Нам кажется, что в условиях демократизации общества и гласности, когда коми и другие малочисленные народности объявили свои языки государственными и происходит расширение их общественной функции, автору диссертации следовало бы дать конкретные рекомендации по восстановлению ранее созданных, но ныне забытых, научно-технических, научно-методических, учебных и общественно-политических терминов. В ряде языков такая работа уже проводится весьма успешно, в частности, в чувашском, татарском, мордовских и удмуртском. В последнем, например, восстановлены исконные названия дней недели, древние названия месяцев, отдельные слова и словосочетания русского происхождения также успешно передаются внутренними словообразовательными средствами родного языка, такие как *Верховный Совет, застойный период, заграница, космос, собрание, призывы, столовая* и др.

В первой главе автор рассматривает стилистику грамматических категорий именных частей речи. Особенно тщательно анализу подвергается категория падежа. Впервые в коми языкознании выявлены синонимичные формы падежей, употребление

одной падежной формы в роли другой, использование послеложной конструкции в роли падежной формы, что имеет место как в родственном удмуртском, так и в других финно-угорских языках.

В том же разделе удачно рассмотрены случаи использования форм множественного числа имени в роли единственного для выражения эмотивности, а также употребление формы единственного числа вместо множественного для сообщения высказыванию коннотации лаконичности, абстрагирования.

Автор внимательно прослеживает детерминированное употребление посессивных аффиксов, выполняющих специфическую уточняющую, выделительную, артиклевую функцию. Неоправданный пропуск их под влиянием законов русской грамматики, не имеющей данной грамматической категории, приводит к стилистическим ошибкам.

В разделе “Стилистика имен прилагательных” автор выявляет грамматические варианты прилагательных и убедительно доказывает, что форманты с суффиксом *-ыд*, как архаичные, придают высказыванию экспрессивную коннотацию.

Такую же стилистическую роль играют деривационные морфемы имен *-а*, *-тәм*, используемые для образования производных прилагательных из непроезводных основ прилагательных.

Автор прослеживает с точки зрения выразительности синонимичные формы компаратива и приходит к выводу о том, что архаичные аналитические конструкции, представляющие собой сочетание имени прилагательного в позитиве с именем в элативе, как менее употребительные более выразительны привычной синтетической формы компаратива на *-джык*.

В разделе, посвященном анализу стилистических свойств имен числительных, удачно прослеживаются грамматические варианты и грамматические синонимы нумералов. Убедительно доказано, что имена числительные, выступающие в роли наречий меры и степени, являются стилистически выразительными. Данные разделы богато иллюстрированы примерами, взятыми из художественных и фольклорных текстов. Они дают читателю возможность наглядно представить все те эмоциональные и экспрессивные оттенки их грамматических значений, которые заложены в соответствующих синонимических грамматических формах.

Большую ценность представляют также таблицы, приложенные в конце диссертации. Однако эти таблицы целесообразнее

было бы привести после выводов к каждому разделу главы, как это делается в автореферате.

При анализе стилистических свойств различных форм имен прилагательных автор оперирует терминами качественные и относительные прилагательные. Нам кажется, что деление прилагательных на качественные и относительные в пермских языках нецелесообразно, так как они не являются строго прикреплёнными к своим лексико-семантическим разрядам (см. об этом: Г. А. Ушаков. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск. 1984. с. 14–15), ср. также *из корка* 'каменный дом', *из сюлэм* 'черствый, жестокий' (букв. 'каменное сердце')

Вызывает большой интерес материал, расположенный в главе "Местоимения", где автор исследует использование местоимений одного разряда в значении прономенов другого разряда для выражения отношения к предмету речи.

В разделе "Глагол" привлекает внимание использование глаголов одного вида, залога, наклонения в функции глаголов другого вида, залога, наклонения.

При анализе грамматических вариантов партиципов на *-ан/-ана*, *-ом/-ома*, *-том/-тома* автор убедительно доказывает, что данные грамматические формы не являются абсолютными синонимами, а партиципы с формантами, имеющими ауслуэтную огласовку, стилистически выразительнее: ими подчеркивается отношение говорящего в высказываемой мысли.

В разделе "Наречие" обращает на себя внимание исторический экскурс автора в этимологию форманта на *-ко*, употребление которого при адвербиальных словах придаёт сообщению коннотацию экспрессивности.

В диссертации весьма детально анализу подвергнута синонимика служебных слов. Автор подробно рассматривает также случаи использования знаменательных слов в функции релятивных, избыточное употребление послелогов или их пропуск при именах, содержащих темпоральную семантику, что содействует приданию высказыванию лаконичности и выразительности. При этом автор показывает, как в целях выделения мысли релятивные слова принимают суффиксы, в частности, показатели пассивности, диминутивности и др.

Положительным в диссертации является и то, что выявляя внутренние стилистические возможности морфологических средств коми языка, автор наглядно показывает порочность механического калькирования русских деривационных моделей и синтаксических конструкций, а также бесконтрольный приток русизмов, препятствующих развитию выразительных возможностей коми языка.

В целом следует отметить, что детальный анализ материала, содержащегося в трудоемкой диссертации Е. А. Игушева, оставляет хорошее впечатление. В ней содержится большой теоретический и фактический материал по стилистике морфологии коми языка. Подобной теоретической работой пока не располагает не только коми языкознание, но и другие родственные восточные финно-угорские языки. Результаты исследования имеют большое теоретическое и прикладное значение и могут быть использованы при составлении учебника по стилистике коми языка для вузов и при написании нормативной грамматики современного коми языка, при чтении спецкурсов для студентов. Данная работа может служить образцом для создания подобных исследований по стилистике и по другим финно-угорским языкам.

Диссертантом проделана огромная работа по выявлению стилистических возможностей в грамматических категориях морфологии, но как всегда бывает в подобных работах, есть и некоторые недочеты, особенно это касается оформления диссертации и использования грамматической терминологии¹ в коми языке. Например, рассматривая залоговые формы с суффиксом *-сь-* (*вотасьны* 'видеть сон', *узьсьны* 'спать, спаться') автор называет их глаголами пассивно-страдательного залога. Нам кажется, что в пермских языках нет целесообразности выделить особый страдательный залог, поскольку он не имеет специальную форму. Формы с суффиксами *-сь-* в примерах, подобных *вотасьны*, следует назвать лишь страдательным значением возвратного залога (с. 40). По нашему мнению в пермских языках имеются лишь две соогносительные залоговые формы: возвратные и невозвратные, понудительные и непонудительные.

Второе наше замечание касается аффикса многократного действия *-л* (с. 148). По традиции автор диссертации в состав аффикса многократного действия не включает гласный элемент, но нам кажется, что глаголы многократного действия в пермских

языках образуются с помощью суффикса *-лы*, ср.: *сылывыны* 'таять, растаять', *кылывыны* 'слышаться, доноситься', удм. *ветлылыны* 'ходить, ездить (многократно)', *кутылыны* 'держаться, хватать, шупать, ошупывать'.

В разделе "Имя прилагательное" в таких примерах, как *лӧза-гӧрда карандаш* 'карандаш с синим и красным графитом' суффикс *-а* автор считает архаическим суффиксом двойственного числа, который встречается в подобных же сочетаниях *ая-тия* 'отец с сыном' (с. 83). На наш взгляд, суффикс *-а* является тем же самым посессивным суффиксом, который выражает обладание каким-либо качеством или свойством. Он не имеет никакого отношения к двойственному числу. Подобные примеры встречаются и в удмуртском языке, ср. *анае-атае нылли* 'ребёнок, имеющий родителей (букв. мать и отец)'.

Автор диссертации иногда допускает непоследовательность в употреблении лингвистической терминологии. Например, частица *-мед* в одном и том же предложении называется и приставкой и частицей (с. 88).

Чувствуется, что в оформлении диссертации автор проявил поспешность: примеры, данные в финно-угорской транскрипции, не откорректированы. Поэтому иногда трудно определить фонетический облик коми слова и его грамматического форманта. Например, русское заимствованное *что* зафиксировано как *iste* (с. 263), вм. *ištò, ki pir verdni* вместо *ki pir verdni* (с. 40). Не выправленными остались опечатки машинистки на с. 39, 53, 55, 59, 36, 81, 84 и др., не дописаны латинским шрифтом отдельные примеры, грамматические форманты (с. 75, 103, 152 и др.). Встречаются также некоторые погрешности стилистического порядка (см. с. 55, 56, 138, 139, 104).

Следует сказать, что отмеченные в рецензируемой диссертации недочеты не носят принципиального характера, они касаются частных вопросов, поэтому ничуть не снижают её научной ценности, тем более, что они могут быть легко устранены. В целом же рецензируемая работа представляет собою законченное исследование и является несомненно новым крупным вкладом не только в коми, но в пермское языкознание в целом.

И. В. Тараканов, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)